

Взаимодействие внушающего и внушаемого в зеркале социальной психологии

(взаимодействие внушаемого с текстами Пушкина и лицедейством Калиостро)

Волков Е. Н., Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского

(Доклад на международной научной конференции «Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека», Пушкинские Горы, 13-17 июля 2004 г. Дополнен и исправлен в январе 2006 г.)

Публикация:

Волков Е. Н. Взаимодействие внушающего и внушаемого в зеркале социальной психологии (взаимодействие внушаемого с текстами Пушкина и лицедейством Калиостро) // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека. Сборник статей. — СПб.: Пушкинский проект, 2004. — С. 84-91. (0,6 п.л.)

Как хорошо известно, чтобы дать ответ, предварительно нужно правильно поставить вопрос, который во многом является приуготовлением ответа. Вопросы, сконцентрированные, осознанно или неосознанно, в теме этой конференции, чрезвычайно важны.

Метафорический и ассоциативный смысл темы конференции я предлагаю раскрыть следующим образом. Пушкин — профессионал честного внушения, не нарушающий этических и психологических границ во взаимодействии с внушаемым (читателем), открыто рефлексирующий и свое творчество, и психологию человеческого восприятия («Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман», «Над вымыслом слезами обольюсь»). Калиостро — профессионал мошеннического бизнеса внушения, один из провозвестников нынешней эпохи манипулятивности, изощренный эксплуататор человеческой внушаемости и доверия.

Соответственно, со стороны внушаемого «ситуация Пушкина» представляет из себя здоровую культурную норму коммуникации с ясными ролями и результатами. «Ситуация Калиостро» обозначает деструктивную эксплуатацию стереотипов коммуникации и уязвимых аспектов культуры.

К теме, предложенной на этой конференции, каждый участник наверняка будет подходить с точки зрения, актуальной и интересной прежде всего лично для себя. Я не собираюсь выделяться из общего ряда и сразу обозначу содержание и направление моего интереса. Это интерес к проблеме методов, границ, принципов и содержания конструктивного социально-психологического воздействия людей друг на друга, а внушение — один из важнейших компонентов такого воздействия. Но до самого последнего времени основное внимание мне приходилось уделять противоположной стороне проблемы — деструктивной манипуляции, скрытому групповому психологическому насилию, психологическому ущербу от воздействия масс-медиа и другим аспектам неявного вредящего психологического воздействия. Такая перестановка акцентов была вызвана как актуальностью и массовидностью негативного употребления психологического воздействия в наше время, так и необходимостью определения водораздела между конструктивным и деструктивным воздействием.

Принципиальная моя цель состоит не в сочинении очередной концепции, а в обеспечении междисциплинарного синтеза максимального количества обоснованных и разумных продуктов научной и практической (психолого-педагогической) деятельности по проблеме внушения и по сопротивлению дезориентирующему и деструктивному внушению, а также в обеспечении практического применения результатов этого синтеза.

Здесь самое время и место определиться с центральным понятием, чтобы не умножать пустые сущности и не разговаривать лишь с самим собой. Из краткого исследования толковых и

психологических словарей я все же извлек, как мне кажется, наиболее точное и специфическое определение, хотя и с некоторыми лакунами и неточностями, которые я позволил себе заполнить и исправить внутри чужого текста с помощью вставок в квадратных скобках: «**ВНУШЕНИЕ** (англ. *suggestion*) — вид целенаправленного коммуникативного влияния на *поведение* и *сознание* человека (или *группы* людей), в результате которого человек (группа людей) вопреки имеющейся фактической информации (воспринимаемой, извлекаемой из памяти) признает существование того, что в действительности не существует [либо чего они на самом деле не помнят, не понимают или что не решаются поставить под сомнение, уточнить, выяснить. — *Добавлено мною. Е. В.*], либо что-то делает вопреки своим *намерениям* или *привычкам*. Иначе говоря, В. изменяет [чаще и в основном просто эксплуатирует. — *Добавлено мною. Е. В.*] свойственные человеку способы анализа информации и способы поведения. Эффект В. обусловлен снижением самоконтроля и самокритики в отношении содержания В., что имеет место, напр., в состоянии *гипноза...*»¹.

Из этого определения следует, что внушение есть вношение в чужое сознание и поведение тех элементов, которых до того там не было или же они были в слабом или ином, чем нужно внушающему, виде. Но это лишь половина смысла, содержащегося в приведенной дефиниции. Вторая половина имеет решающее значение и заключается в слове «вопреки»: «вопреки имеющейся фактической информации» и «вопреки своим намерениям или привычкам».

Такое привнесение отличается от иных воздействий минимальной самостоятельной и еще менее критической активностью объекта внушения. В этом состоит основное различие внушения и манипуляции, поскольку последняя предполагает значительно большее соучастие манипулируемого, хотя определения обоих понятий чрезвычайно близки².

Процитированное определение, к сожалению, не содержит ссылок на концепцию суггестии замечательного советского историка и психолога Б. Ф. Поршнева, существенно недооцененную и до сих пор по-настоящему не включенную в современную социально-психологическую науку. Мне известны только два автора, попытавшиеся подхватить хотя бы некоторые идеи Б. Поршнева, и для более подробного погружения в предмет рекомендую именно их — О. Т. Вите³ и М. П. Папуша⁴, а также, естественно, главную поршневскую работу о суггестии, «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)»⁵.

Необходимо хотя бы очень коротко охарактеризовать названную концепцию⁶. Б. Ф. Поршнева пытался объяснить возникновение человека и общества, и прежде всего, в терминах И. Павлова, второй сигнальной системы, отделившей человека от животных. Он увидел

---

¹ Большой психологический словарь /Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: прайм-Еврознак, 2003. — С 78.

² Ср. определение манипуляции, данное Е. Л. Доценко: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — СПб.: Речь, 2003. — С. 52).

³ Вите О. Т. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение // Политика. — 1998, № 2 (эта статья и статья о биографии Б. Ф. Поршнева есть в Сети).

⁴ Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном // Берн Э. Секс в человеческой любви. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 329-380.

⁵ Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). Под ред. Б. А. Диденко. — М.: «ФЭРИ-В», 2006. Первое издание: Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). — М.: Мысль, 1974 (есть в интернете).

⁶ См. подробное изложение этой концепции, кроме статьи О. Т. Вите, в: Волков Е. Н. В начале было не слово — началом была суггестия: Забытые прозрения Б. Ф. Поршнева и некоторые межконцептуальные психологические и социологические параллели // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека. Сборник статей. — СПб.: Пушкинский проект, 2004. — С. 100-105. Полный текст см.: <http://evolkov.net/PorshnevBF/Volkov.E.In.the.beginning.there.was.suggestion.html>

именно в суггестии механизм, позволивший выключать индивидуальное рефлекторно-инстинктивное поведение и включать коммуникацию между двумя особями, т.е. последовательное взаимное вторжение желаний одного индивида в сознание и поведение другого. В суггестии, согласно Б. Ф. Поршневу, информация внушающего исключает (замещает, запрещает) внутренние процессы внушаемого. Он считал суггестию основополагающим феноменом второй сигнальной системы.

М. Папуш так разъясняет поршневское понимание суггестии: «Суггестия состоит в том, что один организм начинает управлять поведением другого организма, который при этом ведет себя *не в соответствии с собственным приспособлением к среде*, то есть не по принципу первой сигнальной системы, а *в соответствии с требованиями или запросами другого*. В этом Поршневу и видит основу и сущность “второй сигнальной системы”, попросту — речи».⁷

Трудно себе представить, чтобы этот способ управления «поведением другого организма» остался бы неприспособленным для получения односторонних выгод, для манипуляции и эксплуатации. Остается только гадать, как такие злоупотребления выглядели в первобытной общине, но современные достижения вполне доступны анализу.

Агенты мошеннического внушения нередко раскрывают свои методы и их реальные цели с удивительным простодушием, имея достаточно оснований полагать, что среди слушателей и читателей найдется немало именно тех, кто поймет их «нужным» образом. Получается преобразование, как с двумя линзами в проекторе, только в восприятии внушаемых высказывания суггестора ставятся с ног на голову, а не как во второй линзе — с головы на ноги.

В качестве весьма типичного примера деятельности современного Калиостро я взял несколько заметок, цитат и визуальную иллюстрацию, которые осели в моих папках и электронных файлах после одного собрания адептов Шри Чинмоя (далее — ШЧ), «великого духовного учителя», «поэта», «музыканта», «художника», «спортсмена» и кого-то еще. Кавычками я обозначаю в данном случае то, что все эти роли не подлинные, а всего лишь артефакты внушения. Приводимые ниже цитаты показывают реальное содержание его масок как «великого духовного учителя», «поэта» и «художника». Филологический и культурологический анализ, по-моему, здесь бессилён — или имеет дело с чисто функциональными гипнотическими пустышками. Причем сам ШЧ открыто признается в полном отсутствии у себя каких-либо творческих способностей к любым занятиям искусством, но дальше вы прочтете, как он определяет «совершенство» и «смысл» своей графомании.

Следующие афоризмы и стихи ШЧ хорошо показывают как культивирование им внушаемости у своих адептов (причем делается это в откровенно императивной форме), так и собственно внушение:

«Сомнения и подозрения никогда не получают въездную визу в страну-сердце».

«Бог желает, чтобы я трудился в моих садах сердца, а не в джунглях ума».

«Непослушание, / Время истекло! / Замолчи, / Собирай вещи / И убирайся вон!»

«Непослушание, / Ты уничтожило / Красоту моей жизни /И аромат моего сердца». [И с каким эстетическим мериллом подходить к «аромату моего сердца»? — Е. В.]

«В духовной жизни есть два / Действительно диких животных: / Непослушание, бешеный слон, / И / Подозрение, голодный волк».

«О, человеческий ум, / Когда же ты перестанешь наслаждаться / Хмуростью негативности?»

«Ты не найдешь радости / В пещере своего ума, / Сколько бы раз в день / Ты в нее ни входил».

Любопытно, что в интернете я недавно наткнулся на парафразирование стихов ШЧ неким Геннадием Герасимом (так были обозначены его имя и фамилия). В его подборке «Читая Шри Чинмоя»⁸ оказалось стихотворение «Ищущему»: «В твоём уме поток вопросов / В его уме вопросов нет / Он просто роза или лотос / Тебе же просто мало лет». Здесь удачно схвачена инфантилизация внушаемого и степень абсолютной самоуверенности «гуру». Можно с

⁷ Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном. — С. 344.

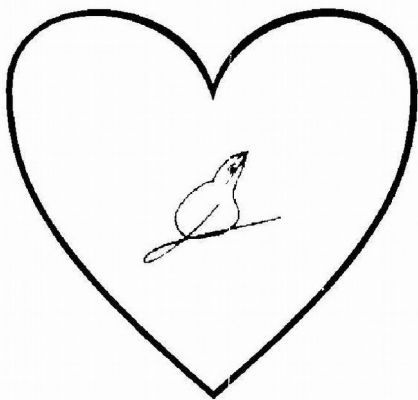
⁸ Документ интернета: <http://www.free-time.ru/razdels/forshe/gerasim6.html>

достаточным основанием утверждать, что именно сочетание демонстрации уверенности со стороны внушающего и навязывания им внушаемому той или иной подчиненной, инфантильной роли и составляет суть мошеннического внушения.

В дополнение к «аромату сердца» не могу не привести еще один пример «красивости» у ШЧ, долженствующей, видимо, заменять отсутствие любых других смыслов в его суггестивных текстах. Это увиденная мною на том собрании надпись на футболке у девушки: «Ты — утренняя роза в саду мечтаний Бога. Шри Чинмой». Легко представить, как усиливается «аромат сердца» — вместе со внушаемостью — у девушки, принимающей такую фразу на свой счет.

И последний «шедевр» для полноты картины: «Цветения безмолвия / разбудили мой разум. / Свои слезы и улыбки Бога / я застал в объятиях». От одной попытки вообразить себе слезы ШЧ, обнимающиеся с улыбками бога, можно впасть в суггестивный транс на продолжительное время.

Надо отдать должное ШЧ — он хорошо понимает, что для обеспечения устойчивого и надежного внушения нужны максимальная тотальность (в этом смысле — и тоталитарность) и массивность воздействия, а также хоть какая-то видимость обоснованности своих претензий на нечто выдающееся. В этой связи в его деятельности суггестора важное место занимают цифры и софизмы.

Вот такие рисунки «Птиц-Душ» ШЧ натворил в количестве 7 миллионов (7000000!!!) штук. У меня, скажем, сразу возникает скептический вопрос о том, кто их так точно сосчитал и кто их все видел в реальности. Если же поверить на слово и все же провести несложные подсчеты, то при затрате на один такой рисунок всего 2 секунд ШЧ должен был делать их непрерывно около 4 тыс. часов (160 суток) без сна, еды и туалета. При нормальном сне и удовлетворении естественных потребностей этот «духовный подвиг» должен был занять (без отвлечений на другие дела) как минимум целый год без выхода на улицу.

Для полноты общей картины — еще несколько цифр. ШЧ, оказывается, сочинил более 13 000 песен; создал более двухсот тысяч медитативных картин, написанных в стиле, который он называет «Джарна-Кала», или «Фонтан Искусства» [почти что «Водопровод Искусства». — *Е. В.*]; поднял одной рукой вес в 3210 кг (три тонны!!!) [его адепты, верящие в это, видимо, не слышали про рычаг Архимеда. — *Е. В.*]; написал более 1000 книг; владеет искусством игры более чем на 150 инструментах различных стран и культур. И все это — на фоне неподчеркнутого, но честного признания в отсутствии каких-либо творческих способностей.

Вряд ли есть смысл снова подсчитывать, сколько времени ШЧ затрачивает на одну песню, картину или книгу (особенно учитывая, что делает он это одновременно с сотнями лекций в сотнях университетов и сотнями же концертов в десятках стран), даже если занимается он этим ровно с той секунды, что появился из утробы матери. И без этого очевидно качество этих «произведений».

Как же этот Нью-Калиостро умудряется придать им хоть какую-то ценность и даже претендовать на некое «совершенство»? С помощью несложного софизма о «совершенстве» ребенка: «Каждая последующая ступенька, которой он (ребенок) овладел — совершенство в его жизни. Совершенство ребенка — ущипнуть кого-нибудь. Удовлетворение, которое он получает от щипка — совершенство в его жизни».

В такой логике можно посчитать совершенством что угодно: не только щипки ребенка, но и все его естественные физиологические отправления. Думается только, что это будет лишь совершенством физиологического аппарата ребенка, но как детская дефекация или мочеиспускание создают «духовное совершенство» «творений» ШЧ — вот это остается для меня непостижимым.

Довольно честно объясняет ШЧ то, как он рисует и для чего такое безумное количество простейших птичек (песен, картин, километров марафонов и т.д.):

«Когда я рисую, я не держу в уме — я никогда не пользуюсь умом — сколько я намереваюсь сделать. Нет, я только стараюсь стать совершенным инструментом Всевышнего, подчиняясь Его Воле. ...»

Те, кто принял меня как своего собственного, те, кто является моими духовными детьми, все еще нуждаются в просветлении. Эти тысячи и тысячи картин для чего? Для того, чтобы служить им, просветлять их. *Если они видят не одно, а тысячи огней пламени, они вынужденно будут увлечены далеко, очень далеко, высоко, очень высоко, глубоко, очень глубоко* [выделено мною — Е. В.]».

В этой цитате, по сути, сформулированы сразу два часто употребляемых приема суггестора. Первый — ссылка на еще более авторитетного суггестора (Всевышнего). Второй — «валовой метод» внушения через количество, особенно широко применявшийся «социалистической» пропагандой при «социалистических» режимах, гордившихся производством огромных количеств чего угодно — от сахарной свеклы и плохого хлопка до устаревших тракторов и тепловозов, никогда не сопоставлявшихся по реальным качествам с передовыми техническими достижениями.

Даже на основании этого краткого анализа можно выделить некоторые специфические атрибуты внушения со стороны суггестора — уверенность в континууме от простого захвата инициативы до абсолютно бесчувственной наглости кукловода; массивность воздействия (масса, количество воздействия, включая и заполнение времени суггеренда — от простого, но активного, структурирования времени, в терминах Э. Берна⁹, до информационно-коммуникативного марафона¹⁰); легитимность или ее имитация (использование «респектабельных» форм); использование или имитации авторитета¹¹.

А что можно констатировать на стороне внушаемого? Он оказывается в очень сложной ситуации, поскольку ему не на что опереться в социальной реальности¹², кроме как на другого человека и на доверие к нему. Мы, видимо, еще не в полной мере понимаем, в какой степени доверие связано с безальтернативностью взаимной суггестии. С весьма интересной поршневатской точки зрения всю культуру можно рассматривать как окультуривание именно суггестии, как изобретение конструктивных (и деструктивных) форм ее реализации и правил взаимного применения в различных ситуациях (как и методов нарушения этих правил). Кстати, под таким углом зрения по особому высвечиваются и концепции социолога И. Гофмана¹³.

Базальная открытость человека воздействию другого человека в разных культурно-исторических условиях оборачивается и разными приобретениями, и разными угрозами. Без этого свойства невозможно было бы погружение индивида в миры, создаваемые художниками, писателями, актерами, в миры других людей в личных и любых иных социальных отношениях. И то же свойство оказывается на всем протяжении истории источником злоупотреблений, нещадной эксплуатации манипуляторами и мошенниками.

---

⁹ Берна Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 13-17.

¹⁰ Волков Е. Н. Масса и время в убеждении (пятая и шестая страгемы, 45-техника) // Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. — СПб.: прайм-Еврознак, 2003. — С. 7-12.

¹¹ В следующих двух переведенных мною книгах американских социальных психологов изложены десятки экспериментов и наблюдений за конкретными приемами и страгемами социального влияния, прежде всего, внушения: Чалдини Р. Психология влияния. — СПб.: Питер, 2001; Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление.

¹² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995.

¹³ См., напр.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.

Но лишь наша эпоха привела к такому росту технического обеспечения внушения (и в смысле технических средств СМК, и в смысле психотехники) и к такой тотальной эксплуатации внушения и внушаемости, что культура и общество, как мне кажется, встали перед проблемой гораздо более целенаправленного и жесткого регулирования суггестии и обеспечения граждан средствами индивидуальной защиты.

Однако ни в коем случае нельзя эту проблему решать лишь пассивно-защитными мерами. Я в своих курсах по психологической безопасности всегда подчеркиваю необходимость не только ухода от нежелательного влияния¹⁴, но и активного предоставления себя для желательного влияния, для конструктивного внушения со стороны более мудрых людей, книг, идей, образов жизни и т.д.

Я не имею в виду, конечно, ни веру в волшебную силу самовнушения, якобы способного помочь любому человеку достичь чего угодно, ни веру в «Учителей», «Мастеров» и прочих «бого-духо-космо-вдохновленных» носителей «Истины». На практике следование таким сказочным целям оборачивается, как минимум, погружением в опасные иллюзии, а нередко также тяжелейшими последствиями для человека и общества. Как жестко утверждал К. Поппер: «Наша цивилизация сможет выжить, только если мы откажемся от привычного поклонения великим».

Именно идеи К. Поппера о решающей роли критической рефлексии в эволюции человека и социума, как мне представляется, позволяют выйти из штопора накапливающихся негативных эффектов суггестивного слоя нашего сознания. Он великолепно и детальнейшим образом показал необходимость постоянной критики любых идей, любых авторитетов, любых «абсолютных» и «очевидных» истин. Только усвоение образованием и современной культурой (и каждым человеком) принципов критического рационализма и навыков антисуггестивной дискуссии открывает путь к сбалансированному и максимально конструктивному использованию внушения в социальном взаимодействии.

Как социальному психологу и практикующему консультанту, тренеру и эксперту, десять лет специализирующемуся на проблемах злоупотребления воздействием одних людей на других и одновременно желающему найти этому воздействию максимально конструктивные формы и максимально возможное позитивное применение, мне видятся следующие важнейшие вопросы взаимодействия внушающего (суггестора) и внушаемого (суггеренда), если смотреть на него с точки зрения психологической безопасности:

1. Необходимость максимального приближения обыденных представлений о степени внушаемости человека к современным научным данным¹⁵.
2. Более точное и диалектичное понимание совместного вклада внушающего и внушаемого в конечный результат суггестии (учет социально-психологического принципа субъективной интерпретации и конструирования¹⁶, механизмов «запуска» манипулятором психологически автономных процессов на стороне манипулируемого¹⁷ и т.д.).
3. Междисциплинарный анализ роли и характера использования внушения как фактора обычных форм экономической и политической жизни (реклама, маркетинг, менеджмент, выборы, пропаганда и т.п.), так и фактора создания новых отраслей деятельности, производящих и продающих внушение само по себе («связи с общественностью», «политтехнологии»), движение Нью Эйдж и многочисленные деструктивные культы и т.п.).

---

¹⁴ См., напр., «Контрольный список 20 способов защиты от нежелательного социального влияния» в статье: Зимбардо Ф., Андерсен С. Объяснение контроля сознания: экзотические и обыденные психологические манипуляции // Журнал практического психолога, 2000, № 1-2. — С. 28-30.

¹⁵ См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. — М.: Аспект Пресс, 1999.

¹⁶ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. — С. 46-50.

¹⁷ См.: Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита.

4. Необходимость гораздо более широкого правового регулирования многих аспектов употребления внушения в социальном взаимодействии на современном этапе.
5. Необходимость исправления крайнего дефицита эффективных контрсуггестивных факторов и навыков в современной культуре, прежде всего на уровне среднего и высшего образования, за счет внедрения и распространения достижений научно-педагогического движения за критическое мышление¹⁸.

Наиболее адекватными и перспективными для решения данных проблем научными, концептуальными и психотехническими источниками мне представляются наработки когнитивной социальной психологии, социального конструкционизма¹⁹, наследие и идеи Б. Ф. Поршнева²⁰, психотехнические и философские подходы М. Л. Покрасса²¹ и А. Эллиса²², культурологическая концепция авторитарности Д. Крамера и Д. Олстед²³, и самое, может быть, главное — идеи и принципы Карла Поппера, его критический рационализм, эволюционная эпистемология и социальная инженерия²⁴.

---

¹⁸ См.: Халперн Д. Психология критического мышления. — СПб.: Питер, 2000; Paul, R. W. *Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World*. Sonoma State University, 1990.

¹⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

²⁰ См.: Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. — СПб.: Изд-во Сова; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

²¹ См.: Покрасс М. Л. Залог возможности существования. Четвертая категория психологии. — Самара: Бахрах, 1997.

²² См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории; Вите О. Т. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение; Папуш М. П. Что делать с Эриком Берном.

²³ См.: Крамер Д., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гуру. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.

²⁴ См.: Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004; Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. — М.: Эдиториал УРСС, 2002; Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х тт. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992; и др. работы.